

МЕТАМОДЕРН

Алексей Бонсуаров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Бонсуаров

Метамодерн

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48447284

SelfPub; 2019

Аннотация

Сборник рассказов, делающий попытку вырваться из лап существующего прямо сейчас постмодернского мировоззрения. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Небольшое состояние	4
Пролог	4
Часть первая	7
Часть вторая	11
Собака	17
Как Сергей Сергеевич остался без рук	20
Обеденный перерыв	25
Зазывала	31
Время	35
Театр	39
Часть первая	39
Часть вторая	43
В трёх сосёнках...	45
Судебный процесс над человеком, потревожившим троллейбус	50
Мой дом	54
Утопленница	56
Голубое небо	67

Небольшое состояние

Пролог

Григорий Павлович Золотников, человек не очень уж общительный, всю свою жизнь отдал похоронному бюро. Он занимался разыскиванием родственников умерших. Очень много различных жилищ перешагал Григорий Павлович, видел ещё более разнообразные проявления одиночеств. Такая работа быстро загоняет в тоску, особенно Золотникова, который был единственным жильцом своей квартиры.

Очень часто получалось так, что Григорий Павлович не находил родственников, тогда он присутствовал на похоронной процессии. Это, конечно, не было обязательным, но Золотников являлся крайне человечным существом, потому не мог бросить покойника и во всех случаях неудачного поиска близких умершего становился единственным провожающим в последний путь. Но совестливый работник причинял родному похоронному бюро большие растраты, связанные с неизменными покупками гробов, венков, крестов, которые приходилось выбирать единственному, имеющему до этого дело, Золотникову. Начальник похоронного бюро достаточно нетерпимо относился к расточительным, по его мнению, решениям работника и продолжительное время настойчиво

рекомендовал сократить расходы и экономить выделяемые государственным бюджетом деньги, повторяя всё строже и строже: «Какая разница покойнику? Он мёртв, ему всё равно!» Григорий Павлович, по своей природе, не мог действовать в соответствии с рекомендациями, поэтому в скором времени его зарплата была урезана до невозможности, а сам Золотников получил предупреждение об увольнении.

Похоронное бюро существовало при морге, в котором работал друг Григория Павловича – Виктор. Виктор заведовал холодильными камерами.

– Привет, Виктор, – сказал при очередной встрече Золотников. – На днях уволят меня, наверное, поэтому я зашёл попрощаться, а то вдруг у тебя потом дежурства не будет.

– И как это? – спросил Виктор.

– Что?

– За что увольняют?

– Я не вписываюсь в их общество постмодерна.

– Что?

– В общем, недоволен моей работой, – как-то неловко ответил Золотников. – Ну, короче, давай, удачи тебе. Желая, чтобы выпустили указ какой-нибудь, закон... и тебе подняли зарплату на две тысячи.

– О! Спасибо! – ободрившись, сказал Виктор. – Тебе тоже удачи. Надеюсь, оставят.

– Ладно, давай, – окончательно попрощался Золотников. Он думал, что больше никогда не увидит Виктора, но уже

через несколько минут начальник сердито приказал: «Иди в морг, узнай данные парня, который недавно поступил. Он на мотоцикле разбился. Отыщи родственников».

Часть первая

Григорий Павлович снова пошёл в морг.

– Привет ещё раз, – поприветствовал Золотников, – мне нужна информация о разбившемся на мотоцикле парне.

– Да, сейчас, – отозвался Виктор.

Григорий Павлович постукивал по столу пальцами и оглядывался по сторонам, где толком ничего не было, пока друг искал.

– Слушай, ты смотрел новый фильм Марвел? – спросил Виктор и протянул руку с какими-то документами.

– Нет. Я не смотрел, – ответил Золотников.

– А, вот ещё, ключи мне дали, – добавил Виктор и достал из полки ключи, принадлежащие покойному.

– Ладно, я пойду, – сказал Золотников.

– Пока, – ответил Виктор.

Григорий Павлович вернулся в свой кабинет, взял необходимые для обыска квартиры вещи и отправился по месту жительства.

... Золотников открыл дверь и увидел самую обычную квартиру, но когда дошёл до кухни, очень удивился, ведь чайник ещё был немного тёплый. «Как быстро», – подумал Григорий Павлович. Впрочем, кроме этого эмоционального момента ничего не было. Золотников осмотрел всю квартиру и нашёл только старый, неработающий телефон, на который

пали последние надежды отыскать родственников. Симки в нём не было.

Добросовестный работник хотел уже отправиться в какой-нибудь салон связи или мастерскую, чтобы привести телефон в исправное состояние, но вспомнил: не хватает денег даже на это. «А у меня дома и еды-то нет», – подумал Золотников. Он ещё раз бегло осмотрел квартиру и понял, что придётся действовать по отработанному плану, означающему неизбежное одиночество на похоронной процессии. Всякий шанс установить связь с родственниками покойного точно уж исчез, ведь начальник похоронного бюро совершенно не позволил бы дополнительно растрачивать бюджет. «Надо же, у меня нет денег, чтобы починить телефон», – подумал Григорий Павлович и сел в отчаянии на диван, на котором, скорее всего, спал покойный. «У меня нет денег даже на еду. Надо же! Человеческая жизнь так эфемерна», – подумал Золотников и неосознанно выдвинул полку тумбочки. Там было примерно сто скудных месячных зарплат Григория Павловича. Он крайне удивился и растерялся, на него даже напал непонятный страх. Моментально квартира стала какой-то таинственной. Золотников засобирался.

Он вышел на улицу и быстрым спокойным шагом отправился чинить телефон. Григорий Павлович, не евший со вчерашнего вечера, да и то не очень сыто, не мог не остановиться и, тем более, не мог не обратить внимание на ларёк, излучавший запах свежееиспечённого хлеба: «Надо же! Ни руб-

ля!», – подумал Золотников, пошарив по карманам, не найдя в них своих денег.

Починив телефон на деньги, взятые из тумбочки, Григорий Павлович принялся звонить по найденным в блокноте телефона номерам, которые покойник, наверное, давно забыл ещё при жизни. Золотников сказал контакту с именем «Папа», что его сын трагически погиб, на этот человек с угрюмым голосом ответил: «У меня нет сына» и положил трубку. Добросовестный работник перезвонил все контакты и лишь ещё один поднял трубку. Это оказалась сводная сестра покойного, которая ответила, что совсем немного знала своего брата, но согласилась приехать.

Через три дня состоялась встреча, но прежде Григорий Павлович просуществовал эти три дня мучительным образом, ведь у него в руках было небольшое состояние, которое он ни коим образом не хотел обеднить. «Как глупо я поступаю», – говорил про себя Золотников, смотря на пакетик с зачерствевшими корками хлеба. Всякие мысли, призывающие взять из огромной суммы совсем чуть-чуть, хотя бы на свежий хлеб, он нещадно отгонял. Хорошо, что Виктор угощал бутербродами, иначе добросовестный работник и вовсе бы умер. Золотников вручил всё необходимое сводной сестре покойного, а также отдал огромную сумму денег. Она удивилась и поблагодарила.

Теперь, когда забота о похоронах легла на другие плечи, Григорий Павлович, совершенно не занятый ничем человек,

не мог выкинуть из головы то небольшое состояние, которое совсем недавно просто отдал, а вполне способен был не отдать. После этого Золотников думал, что, может быть, тот молодой парень разбился на мотоцикле совершенно не случайно, но мысль о суициде была сразу же отброшена, ведь неужели покойный не потратил бы все деньги перед самоубийством?

На следующий день Григорий Павлович был озадачен. Начальник приказал отыскать родственников Виктора. Оказывается, вчерашним вечером у заведующего холодильными камерами остановилось сердце прямо на дежурстве. Золотников отправился в квартиру Виктора, в которой никогда не был. Войдя, он испытал странные чувства и даже вину. Григорий Павлович осмотрел пространство и понял, что Виктор тоже был одинок. Родственников отыскать не удалось, а единственным близким человеком являлся сам Золотников. Он нашёл коллекцию дисков с фильмами Марвел, ни один из которых не смотрел. Подумавши, Григорий Павлович решил забрать их.

На похоронах присутствовал только добросовестный работник, но в качестве представителя похоронного бюро, не друга. После процессии он приехал домой и включил любимые Виктором фильмы Марвел, помотал и, не заинтересовавшись ни одним, выключил.

Часть вторая

Григорий Павлович ещё какое-то время проработал в родном похоронном бюро, потом его уволили. Быть может, он продержался на своём месте после предупреждения достаточно долго потому, что похоронному бюро приходилось выплачивать Золотникову сущие копейки. И всё-таки он был сокращён.

Придя в пустую квартиру, Григорий Павлович не знал, что делать. Ему хотелось отключиться. Следующую неделю он то и делал, что ничего не делал и отключался. За это время им были истрачены все оставшиеся продукты и деньги, которых не было.

И вот Золотников встал перед выбором: пойти искать работу, либо убить себя. «Я бы предпочёл смерть», – подумал Григорий Павлович, но ведь совершить самоубийство очень страшно. А ещё и случаи разные бывают, вроде неудачных попыток и адских мучений перед смертью. Очень не хотелось Золотникову ходить в бывших самоубийцах, даже если бы об этом знал только он сам, и совершенно отвратительной казалась Григорию Павловичу перспектива нестерпимой боли. «Ну, ладно боль, как-то, думаю, можно избавиться от неё с помощью каких-нибудь лекарств там, средств. Это пускай. Но ведь повешение, и выстрел в голову, и если вены порезать, да и всякие другие утопления, прыжки с

крыш, умышленные аварии – все другие способы предполагают осознание смерти, смерти, вот-вот наступающей. Хоть атомную бомбу строй!» – говорил про себя он. Золотников считал, что человек ничего не почувствует, если рядом взорвётся такая мощная бомба, как атомная. В общем, Григорий Павлович выбрал альтернативный вариант: следующие несколько месяцев он жил на деньги, вырученные от продажи мебели, техники, каких-то, может быть, драгоценностей.

Однажды он снова открыл коробки с дисками Виктора и обнаружил, что раньше одну коробку не открывал, ведь в ней не было диска, но была какая-то карта, карточка. Кредитная что ли. Такая, золотого цвета. Позолоченная, скорее всего. И немного переливающаяся, к тому же. В общем, красивая карточка. Григорий Павлович в некотором смысле обрадовался. Он рассчитывал на несколько тысяч, а то и десятков тысяч рублей, если совсем повезёт, но совершенно опешил, когда узнал что эта карточка содержит только сто рублей. «Тьфу! Неудача какая!» – огорчился Золотников. Правда, потом он чуть не сошёл с ума, обнаружив, что карточка имеет бесконечное количество денег. Такое открытие произошло следующим образом: Григорий Павлович захотел себя немножко побаловать, купив сок и выпив его в уже действительно пустой квартире. Он решил расплатиться золотой карточкой. Ананасовый сок стоил семьдесят девять рублей по скидке; важно заметить, что Золотников несколько раз тщательно проверил, не ошибся ли он. Даже если мага-

зин-обманщик пробыёт этот сок за восемьдесят девять рублей, то золотая карточка и такое стерпит. Нужно добавить, что после увольнения Григорий Павлович приобрёл отрешённый вид, то есть он иногда мог впериться в одну точку надолго, или потерять границу реальности и фантазии, или в определённые моменты не способен был разобраться в происходящем с некой эмоциональной точки зрения. Так вот, Золотников подошёл к кассе с ананасовым соком за семьдесят девять рублей и немного задумался о чём-то. Кто бы мог подумать, что магазин осмелится буквально обокрасть бедного Григория Павловича, пробив сок по цене в сто двадцать один рубль! Золотников, не услышав кассиршу, как-то автоматически расплатился золотой карточкой. Позже он обнаружил, что на балансе всё те же сто рублей. Дальше ему предстояло совершить ряд открытий, а именно: золотая карточка может оплатить товар любой стоимости; действует золотая карточка таким образом, что все купленные товары как бы возвращаются на прилавок, находясь при этом у Григория Павловича, а люди и не замечают этого; золотая карточка совершенно не портится: не было потёртостей, царапин, в общем, она оставалась, как новенькая. Золотникову крупно повезло, ведь теперь у него было бесконечное количество денег, а обанкротиться он мог только в случае утери самой карточки. «Не привык я к богатствам», – говорил он.

Всё хорошо складывалось у Золотникова в первое время, но после многочисленных платежей что-то внутри ста-

ло притупляться. И так пробовал и этак, а ничего не выходило. Даже приобретал Григорий Павлович запрещённые средства, повышая уровень «счастья», но ушло куда-то счастье, будто блокировку поставили какую-то, и ничего не помогало. Решился Золотников на отчаянный шаг. Нехитрым образом договорился он с нужными людьми, преимущественно военного характера, и далёкий остров приобрёл. Через неопределённое время стояло посреди острова Григория Павловича большое сооружение, содержащее замечательную бомбу, скорее всего атомную, и кнопку для воспроизведения забвения.

Начал жить на этом острове Золотников отшельником. Бывало, облокотится он на бомбу, залетает где-то, замечается о небытии и лицевые мышцы сами улыбку тянут. Всё думал Григорий Павлович о моменте нажатия и так радовался, что даже случайно расхохотывался...

Но время шло, а кнопка так и не была нажата. Изменилось отношение Золотникова к бомбе: возненавидел он её, ведь перестала существовать в его голове разница между самоубийством с осознанием себя после преодоления точки невозврата и моментальным суицидом. Теперь Григорий Павлович беспросветно ощущал себя скорым покойником, непрестанно нажимая в своих мыслях эту inferнальную кнопку. Многочисленные итерации непрекращающейся мозговой практики заставили почувствовать отсутствие пространства и времени. Золотников всё нажимал и нажимал

свою кнопку. «Ну уж если есть ад, то он непременно здесь находится», – проговаривал он. Ему стало казаться, будто вокруг вновь образовывались стены его квартиры, подкрепляемые пустым пространством, но потом глазам виделся остров. Сжимающая обида поглотила Григория Павловича: если он и вправду на острове, то сейчас это абсолютно никак не отличалось от того, если бы остров и золотая карточка причудились несчастному человеку. Зарыдал Золотников, давя уже действительную кнопку.

Надо отметить хорошую работу тех людей, кто занимался разработкой и постройкой этой кнопки, ведь так хорошо она была сделана, что умудрялась нажиматься миллион раз в секунду.

А Григорий Павлович совсем потерял контроль: «Бомбочка, ну взорвись ты уже!» – молил, стоя на коленях бедный человек, оставив кнопку одну, впрочем, она успешно научилась самостоятельно вдавливаться. Золотников плакал, неразборчиво просил бомбу и кнопку замолчать, извинялся, кланялся в пол, прося пощады. Кнопка слилась в единовременные положения нажатия и ненажатия. Добросовестный работник пачкал руки в песке и земле. Всё потянулось густым смазыванием.

Прервал это действие Виктор, вошедший в открытую дверь.

– Слушай, а ты смотрел последний фильм Марвел? Вот, буквально на днях вышел, – с энтузиазмом спросил Виктор.

– Нет. Я не смотрел, – ответил Григорий Павлович.

– Просто там такой сюжетный поворот, – с улыбочкой сказал Виктор. – Ладно. Пока.

– Пока, – ответил Золотников.

«Мне хочется поспать, – подумал и сказал Григорий Павлович. Он подумал, что уснул. – Я сплю», – сказал Золотников.

Так и продолжалось. Григорий Павлович всё нажимал свою кнопку, нажимал... А, быть может, бомба уже сработала, но этого Золотников не знал.

Собака

Ранним утром я шёл по лесной тропинке вдоль дороги. Настроения у меня не было никакого, потому что всё в последнее время не задавалось. Я, конечно, не видел себя в тот момент, но, как мне кажется, выглядел скверно: наверняка брови мои были нахмуренными, а физиономия представляла собой некую отрицательную задумчивость. В общем, я был крайне недоволен, обозлён, но тот известный пик пыла давно прошёл, ещё когда солнце не встало. Всякое растение, насекомое, какой-либо другой объект казались мне ужасно раздражающими феноменами. Я никак не мог найти радости, всё было противно. Правда, одно делало мой стремительный проход леса более счастливым – отсутствие людей. И я шёл в самозабвенном одиночестве.

Вроде бы уже стали забываться всякие негативные мысли, я настроился на скорый выход из леса. Но тут я заметил живую фигуру – собаку. Странная собака. Сначала я подумал, что мне кажется, потому что я находился достаточно далеко от неё: она несвойственным собаке образом посмеивалась; потом подошёл поближе: действительно смеялась. Я удивился, но всё-таки и не такое видывал, потому почти пошёл дальше, но вдруг заметил, что сзади собаки что-то было расположено, торчало. И это уже меня сильно заинтересовало. Столь необычно выглядело это нечто, что оно бук-

важно повело меня, заставило подойти ещё ближе к собаке, которая, оказалось, билась в припадке. Смех её был истерическим. «Больная собака», – подумал я. Собака, не переставая, смеялась, а это также торчало у неё сзади. Удивление не покидало меня. Уже и несколько минут прошло, а собака всё никак не оканчивала. Раззадорила меня эта необычная ситуация. В один из моментов я поймал себя на мысли, что всё это происходит очень долго, отчего невольный смешок вырвался изо рта. Это привлекло внимание собаки и она, наконец-то, посмотрела мне прямо в глаза, продолжая психическим образом смеяться. От осознания этого и своего невольного смешка меня взял хохот. Странно, но собака совершенно не убирала взгляд от моих глаз с того момента, как устала его на меня. Это ещё больше меня разъело. Потом я вспомнил, что всё это происходит ранним утром в лесу, такая странность заставила меня хохотать с удивлением. Я представил своё смеющееся лицо в тот момент, когда смеялся, одновременно я посматривал на психическую собаку. «Как же...», – хотел я что-то подумать, но залился беспросветным хохотом. Смех раздирал меня. Я задыхался от смеха. Собака приобрела необычные формы из-за искажения слёз, что ливнем низвергались из моих глаз. Я скрючился и схватился за живот, а ноги начали подкашиваться. Я хохотал во весь голос. Странная собака неизменно смеялась психическим образом. Она всё также смотрела на меня. Мои силы иссякли и ноги уронили моё тело. Я продол-

жал истерически ухохатываться, держась за живот и согнувши ноги в коленях. Я просто лежал на земле и смеялся из последних сил, а собака почти прекратила. Это было долго. Вскоре привычный каждому смех сменился вдохами и выдохами, которые, с уверенностью заявляю, тоже были смехом, просто необычным смехом, смехом обессиленного человека. Собака стала всхлипывать, я это заметил и полностью умолк. Она начала плакать и плачь её был несвойственным собаке. Обида и горечь взяли меня. Мои глаза покраснели и слёзы вновь их заполонили. Я заплакал. Собака рыдала. Она отвернулась от меня и бесцельно переступала с ноги на ногу, как будто не решаясь выбрать, куда идти. На самом деле, её поглотила безысходность и она никуда не собиралась. Я заплакал навзрыд, как ребёнок. Теперь уже я смотрел на собаку, не отрываясь. Я рыдал, свернувшись калачиком, обхватив колени руками, вместе с собакой, а она рыдала в одиночестве. В некоторые моменты я терял её из виду из-за слёз, которые образовывали огромным количеством своим непроницаемую стену. Собака начала плакать прерывисто, так, как я смеялся под конец своего смеха. Внезапно она утихла и тут же свалилась без чувств. Она не дышала. Она умерла. Я оставался лежать на земле рядом с её телом, свернувшись калачиком и обхвативши колени руками.

У собаки была цепочка и обрубленный хвост.

Как Сергей Сергеевич остался без рук

Как-то раз Сергей Сергеевич прохаживался по рынку с различными товарами. Старые люди, а также некоторые люди средних лет предлагали свой ассортимент, который являл собой самый обычный список тех продуктов, что каждый видел на местных базарчиках. Сергей Сергеевич не спешил прикупить что-нибудь вкусненькое, ведь он вовсе не был богат; к тому же ему совсем не хотелось подходить к каким-то людям: будь это продавец или просящий милостыню. Можно сказать, Сергей Сергеевич просто прогуливался, неизвестно почему, и домой уже собирался собираться пойти.

Но тут попала на глаза Любовь Ивановна, женщина в теле, которой явно было за шестьдесят.

– Сергей Сергеич! – позвала заметившая его Любовь Ивановна. – Сергей Сергеич, не поможете мне сумки дотащить, а то оно того, ну это... Накупила, понимаешь... и вот... А они тяжёлые. Ежели внук не уехал, я бы управилась.

Теперь надо сказать о том, что Сергей Сергеевич имел крайне добродушную душу. Его добротой очень гордилась мама; она советовала всегда быть таким. Сергей Сергеевич не осмеливался не любить маму, потому следовал её распоряжению.

– Хорошо. Давайте сумки, я вам помогу, – произнёс Сергей Сергеевич.

– Ой, спасибо тебе! – обрадовалась Любовь Ивановна.

Сергей Сергеевич хотел взять множество всего, что было в руках женщины, а именно: пакеты, сумки, пакетики, сумочки, мешки с ручками, клачики и ещё что-то. Но схвативши всё это добро, Сергей Сергеевич случайно зажал меж пальцев и сумочку с кошельком.

– Да что ж ты?! Сумочку-то отдай! – возмутилась Любовь Ивановна.

Сергей Сергеевич и не понимал, про какую сумочку говорит женщина, ведь среди всего множества было столько похожих сумочек.

– Ну что же ты зажал? А? Отдай! Разожми пальцы! Как я беру-то её? – негодовала женщина.

Сергей Сергеевич ослабил хватку и Любовь Ивановна со злобой вытянула одну из сотни сумочек и прижала её к себе, после этого она гордо задрала голову и уже совсем нахмурилась.

– Знаешь, отдай-ка ты сумки лучше! Что помощи от безрукого? – сказала женщина и удалилась.

Сергей Сергеевич недоумевал.

Позже он пытался помочь другой соседке донести сумки. Сергей Сергеевич на этот раз смог ухватить все нужные и смог не ухватить все ненужные вещички. Хорошо продолжалась помощь: до самого дома соседки Сергей Сергеевич

строго нёс ношу и не отвлекался в бессознательное. И вот уж дом рядом, но, какая неудача, неправильно и безграмотно распределённые по сумкам купленные товары подвели всё контролировавшего Сергея Сергеевича и тут-то он был бессилен. В общем, разбились какие-то банки с соленьями, прорвавшись через непрочный пакетик, а, может быть, что-то другое, это неважно, ведь соседка мгновенно впала в ярость и стала бранить Сергея Сергеевича. Как она его только не ругала, а ко всему прочему произнесла: «Что же ты такой безрукий помогать вздумал?» Засели эти слова в голове Сергея Сергеевича.

Прошло время и сам он уже думал, что руки стали отсутствовать. Какая ужасная трагедия. Всё чаще и чаще слышал Сергей Сергеевич в свой адрес: «Безрукий!» «Протезы себе купи!» «Где ж ты руки потерял?» Он обычно удивлялся всему этому: «Да вот же руки! На месте!» и внимательно смотрел на руки.

Безрукий Сергей Сергеевич ходил по городу в холодном настроении и с жадной стремился осуществить помощь какому-нибудь нуждающемуся. Подойдёт Сергей Сергеевич к знакомому деду Григорию, чтобы предложить починить автомобиль старого образца вместе, а тот грозно фыркнет. Подойдёт Сергей Сергеевич к Надежде Павловне, а она гонит его, ни в коем случае не позволяя развесить её бельё. «Вот же руки!» – продолжал думать бедный человек.

Сергей Сергеевич начал подходить к каждому встречному

и спрашивать: «Извините, а у меня есть руки?» и ловил изумлённые взгляды. «Сумасшедший!» «Отстаньте, нет у меня денег», – отвечали ему незнакомцы. Некоторые говорили: «Да уж... Удивительно, но у вас действительно нет рук! Вы безрукий!» и улыбались.

Сергей Сергеевич совсем потерял себя. Он смотрел на свои руки и бежал. «Вот же они. Вот руки», – молвил он.

Прибежал Сергей Сергеевич к старому знакомому, профессору Юрию Семёновичу.

– Здравствуйте! – воскликнул разнервничавшийся и запыхавшийся Сергей Сергеевич. – Скажите пожалуйста! У меня действительно нет рук?

– Простите, Сергей Сергеевич, я не понимаю, о чём вы говорите, – изумился профессор.

– Понимаете, все говорят, что я безрукий и совершенно точно все сторонятся меня по этой причине. Скажите, у меня правда нет рук?

– Позвольте, а как же вы сами считаете, есть ли у вас руки или нет?

– Вы знаете, я совершенно не уверен, но... Но, думаю, у меня хотя бы одна рука-то должна быть.

– Значит, у вас одна рука, так?

Сергей Сергеевич внимательно взглянул на свои руки.

– Вы знаете... Наверно, – сказал Сергей Сергеевич и ещё пристальней посмотрел на руки. – Думаю, у ме... Да, у меня две руки.

– Так сколько же у вас рук? – удивился профессор.

– Ох... Я не знаю! – произнёс Сергей Сергеевич и заплакал. – Я совсем запутался!

– Не знаете? – спросил профессор.

– Не знаю, – ответил Сергей Сергеевич.

– А если вы безрукий, то зачем же вы помогаете? – спросил Юрий Семёнович.

Сергей Сергеевич ходил вдоль одинаковых домиков и искал свои руки. Теперь он ни у кого не спрашивал. Долго ходил бедный человек, весь город обошёл, все улицы узнал. Оставил надежду Сергей Сергеевич где-то позади, опустил руки и уже собирался лечь в ближайшую канаву, но обнаружил там спящее тело. Сергей Сергеевич просто сел на землю и стал смотреть вперёд.

Обеденный перерыв

Осталось несколько минут до того, как часы пробьют двенадцать. Полдень, что означает обед для всех людей, живущих по принципу пять через два.

Джон работает системным администратором дальнего программирования. Офис не может обойтись без его ежедневного контроля электросетей и вайфай-роутеров. Его работа очень важна. Особенно важна для средних менеджеров, один из которых – Гарри. Гарри занимается составлением таблиц городского ориентирования и графиков социальной индустрии.

Гарри заходит в столовую.

Джон берет у повара свой поднос с арсеналом еды и идет к столику у окна. Со своим подносом к нему идет Сьюзен.

Сьюзен: «Я могу присесть?»

Джон: «Можешь, ведь у тебя сгибаются ноги».

Сьюзен почему-то задвигает стул и медленно отдаляется в другой конец столовой. Джон смотрит на часы, которые висят над выходом из столовой. Гарри идет к столику у окна.

Гарри: «Привет, Джон. Я увидел, что у тебя свободно. Разрешите присесть?»

Джон: «Конечно, ты можешь сделать это».

Гарри: «Я очень рад, что ты общаешься со мной и даже немного понимаешь о чём я».

Джон: «Нет проблем, Гарри».

Гарри: «Ты меня извини, если я надоедаю со своими разговорами. Просто со мной никто не общается в офисе. Ты мой единственный друг, который даёт мне эту важную эмоциональную пищу».

Джон: «Это правильно, Гарри, но куда важней твоя пища в подносе».

Гарри: «Да, я понимаю тебя. Эти неурожайные годы, о которых ты намекнул, очень страшное время. Люди голодали неделями! И ведь было это совсем недавно, а люди забывать стали...»

Джон: «Что? Что ты, чёрт побери, несёшь? Какие годы? Я... Стой... Ты думаешь, что голодать это тяжело? Нет! Ты просто берешь и не ешь!»

Гарри: «Да что ты такое говоришь? Люди не могли пообедать. У них не было еды. Им было тяжело, Джон!»

Джон: «Смотри. Я прямо сейчас бросаю свою еду на поднос и отодвигаю его. Всё. В чём твоя проблема?»

Гарри: «Я не совсем понимаю, Джон».

Джон: «Я просто показал, что голодать это легко. Тебе не нужно что-то делать, чтобы голодать. Ты совершаешь самое простое действие в мире».

Гарри: «Я понимаю, что ты имеешь ввиду, но ты преувеличиваешь».

Джон: «Ешь мою порцию».

Гарри: «Что?»

Джон: «Я говорю, ешь мою порцию, Гарри. Ты сам, Гарри, сам на своём грёбанном теле убедишься, что это непреувеличенная правда».

Гарри: «Но я не хочу».

Джон бьет кулаком по столу. С сердитым лицом он пристально наблюдает за глазами собеседника.

Джон: «Чёрт побери! Я сказал ешь!»

Гарри запихивает в рот еду Джона.

Гарри: «Я больше не могу. Я наелся».

Джон: «О, так вот как! Ты не можешь съесть еду? Но ты ведь не будешь голодным, Гарри. Я ведь почти ничего не съел за этот обеденный перерыв. Более того, Гарри, сегодня я даже не завтракал. Так мне легко быть голодным уже половину дня, а ты кушаешь, Гарри, и ты не в порядке. Что же это? После всего ты хочешь сказать, что быть голодным тяжело, а, Гарри?»

Гарри: «Но это всё из-за того, что я съел практически две порции. Я хочу отдохнуть».

Джон: «И что, Гарри? Я, например, хочу зарабатывать миллион евро в секунду, но я зарабатываю гроши».

Гарри: «Почему ты заговорил про деньги? Тебя волнует то, что я зарабатываю больше тебя?»

Джон: «Знаешь что, Гарри, ты сейчас съешь третью порцию, раз ты не веришь мне. Я сейчас, ты не уходи».

Гарри: «Нет. Стой. Я не хочу есть. погоди, о чём ты говоришь?»

Джон: «Ты проиграл. Ты ведь просто проиграл, Гарри. Смотри на часы. Видишь? Время обеда подходит к концу и я из-за тебя ничего не съел. Ты наелся очень сильно, зачем ты это сделал, Гарри? Ты ведь мог просто отказаться».

Гарри: «Что ты... Что с тобой? Ты же сам хотел проверить свою теорию. Ты сейчас хочешь кушать, Джон. Ты голоден. Тебе от этого плохо. Получается, ты не прав».

Джон: «Послушай сюда! Я возьму и куплю тебе на свои деньги, которых у меня меньше, чем у тебя, куплю, Гарри, ещё одну порцию. Ты её будешь кушать, а если не сможешь, я раскрошу твой ебальник».

Гарри: «Успокойся пожалуйста. Посмотри – уже время обеда почти закончилось».

Джон: «Мне похуй, ёбанный Гарри. Либо ты ждёшь, пока я куплю третью порцию еды, либо можешь уйти, но тогда я изнасилую твою жену и детей».

Джон быстрым шагом идет к повару. В это время Гарри сидит, скрючившись, за столиком у окна и вытирает белой тряпочкой пот со своего тревожного лица.

Джон небрежно кидает поднос с третьей порцией на стол.

Джон: «Ешь».

Гарри: «У меня нет жены и детей, Джон».

Джон вынимает барабанный кольт и со всей силы толкает свой стул ногой.

Джон: «Ёбанная горчица, ты сейчас начнёшь есть эту ебаную третью порцию, иначе я прострелю твою бошку!»

Гарри паникует и запикивает в себя еду из этой злостной третьей порции. Он делает это быстро, но всё равно старается нарастить темп, чтобы угодить собеседнику.

Джон: «Ну, как твои дела, Гарри? Кивни головой, если всё в порядке».

Гарри (неразборчиво): «Я... не могу.... Пожалуйста, Гарри. Умоляю... меня. Отпусти!»

Джон: «Так ты признаешь, что я прав? Гарри, ты ведь проиграл. Ты понимаешь это?»

Гарри: «Джон, я согласен с тобой. Ты победил. Действительно, много кушать – очень тяжёлое занятие. Ты прав, Джон. Ты был прав с самого начала, а я нет».

Джон: «Нет, нет. Ты всё верно сказал, Гарри, но ты должен сказать, что голодать легко».

Гарри: «Но, Джон. Ты... Ты ведь сам знаешь, что... что без еды человек не сможет жи...»

Джон: «Хватит! Я сказал, хватит говорить одну и ту же хуйню! Ты давно понял, убудан, что голодать просто. Я тебе блять это доказал! Хули ты выёбываешься? Я нахуй застрелю тебя, убан!»

Джон стреляет в Гарри и дырявит его тело в трёх местах: грудь, рука, голова. Джон обезумевшими глазами смотрит на часы и насилует Гарри орально со словами: «Я победил. Я был прав».

Приезжает полицейский отряд и, чтобы не рисковать, открывает огонь на поражение.

Возле столика у окна лежат два мёртвых человека, живущих по принципу пять через два.

Часы показывают, что обеденный перерыв только что закончился.

Зазывала

Сергей Сергеевич встал и пошёл прямо. Потрёпанный его взгляд слонялся от одного незнакомца к другому. Они хмуро огибали мимо. Вот Сергей Сергеевич последовал загибу стены какого-то старинного здания и очутился на главной площади. Она была длинна. Сергей Сергеевич начал. К сожалению, эти незнакомцы ничем не отличались от предыдущих. Иногда нарисованный красочными картинками, музыкой праздник, попадавшийся, как нарочно, под ноги ужасно рассерженных прохожих, выдёргивал Сергея Сергеевича из мыслей. Но тело волочилось по асфальту и праздник оставался позади.

Совершенно неожиданно Сергей Сергеевич услышал громкий, зазывающий, яркий голос. Повернув голову к зданию театра, увидел человека. Тот был в костюме, полном искреннего желания объять мир. На нём были: жёлтая шляпа с полями, белые ботинки, которые он, очевидно, любил доводить до блеска, красные манжеты на рукавах неопределённых цветов. Какая-нибудь язвительная шельма наверняка подметила бы, что этот человек крайне похож на клоуна, а потом похихикала бы и забылась. Какая же всё-таки грубость была бы с её стороны!

Тем временем, Сергей Сергеевич подошёл безэмоциональным шагом поближе и теперь хорошо мог слышать сло-

ва.

– Только сегодня! – жадно и пронзительно весело звенел зазывала. – Только этой ночью!

Сергей Сергеевич пристально вперился во взгляд этого человека. Он заметил в нём глубокую страсть непонятного направления. Кажется, будто такого быть не может.

– Не пропустите представление! – продолжал неизменно зазывала. – Скорее! Только сегодня!

Сергей Сергеевич неосознанно осмелился подойти к нему.

– Какое представление будет? – робко спросил Сергей Сергеевич.

Зазывала обратил внимание и взгляд его переменялся.

– Никакое, – хмуро, угрюмо, со злобой, раздражённо, стонясь, проговорил он.

Сергей Сергеевич внутри себя немного опешил и остался обездвижено немой на площади. А зазывала засобирился, отвратительно приговаривая у себя в голове нехорошие слова.

Как только он пришёл домой, то сразу же рухнул на диван. Зазывала блаженно прикрыл веки, помассировал виски и попытался ладонями натянуть лоб на волосы.

Спустя неопределённое время он поднялся на ноги и тяжело запередвигал их к холодильнику. Там зазывала мягко взял хлеб и сыр. Вскипятив чаю, он охотно принялся за изготовление нехитрого бутерброда. Сыр был отрезан. Кусочек лёг

на аппетитный хлеб. Зазывала поднёс ко рту славную пищу и беспросветно повалился в уверенность о вкусе. Через секунду или, может быть, две его оборвало. Он вспыхнул.

– Мама! Ну зачем? Скажи! – разъярённо орал зазывала в абстрактное место, зная, что мамы нет дома. Он просто не мог сдержаться. – Зачем покупать более дешёвый сыр... самый дешёвый сыр, чтобы сэкономить, если он невкусный и совершенно понятно, что деньги улетели на ветер? Зачем! Эта экономия тратит куда больше денег, чем покупка не самого дешёвого сыра, но который обладает вкуснотой. Это так просто. Почему бы просто не пытаться купить наибеднейшее? Ну зачем! – произнёс он, после чего почти зарыдал от бессилия.

Зазывала вернулся в лежачее положение, но теперь он упал носом в подушку. В его голове текла кровь. Он вперился прямо в подушку, пока за окном смеркалось. Зазывала осмотрел свою комнату, не оборачиваясь. Она являла собой изменённое пространство. Привычные вещи перестали быть таковыми.

Он подошёл вдохнуть прохладу к окну и специально выпал. Уже стояла глубокая ночь, поэтому та часть земной поверхности, на которой проживал зазывала, смотрела вниз. Зазывала начал падать в небо, а вскоре совсем вывалился из планеты.

Он пролетал в космическом пространстве между спутников, обломков камней, земного притяжения и направился в

сторону Луны.

Представление началось.

Время

Сегодня придётся сидеть, как в заточении, в школе, смотря в стену или на парту, думая о том, как долго длится сорокаминутный урок. Я уже испытывал это много раз и знаю, что ничего не изменится. Вчера было то же самое. Мерзкий привкус предвкушения неизбежного страдания затмевает попытки радоваться. Я волочусь в школу и мечтаю оказаться в том моменте, когда я буду по этой же дороге идти домой, чтобы, наконец, заняться мои любимыми делами. Серая атмосфера здания отталкивает. Я вхожу в кабинет и замуриваю глаза от ужаса, я пытаюсь поступать, как законченный эскапист. Я вынужден хотеть звонка на урок, чтобы окончание школьного дня хоть на чуть-чуть приблизилось. Я жду. Я пока что полон сил, а мой бесконечный запас терпения не исчерпан. Раздаётся противный, ужасный, звонкий треск ненавистного металла. Гул стихает. Всё, как всегда. Время идёт привычным ходом. Я впадаю в раздумья и очухиваюсь. Внимательно слежу за прячущимся в листве солнцем. Снова утопаю в приятных мыслях, моих мыслях, мыслях которые я пока что могу себе позволить. Но вот время начинает замедляться, а я пропадаю в вымышленном мире, где время всегда одинаково. Реальность возвращает меня к себе, она утомляет меня. Сидя за второй партой я прожигаю затылок одноклассника или одноклассницы. Я наблюдаю за

волосами, за их игрой с солнечным светом, за скромными и едва заметными движениями головы. Мне удаётся подсмотреть гримасу на его или её лице, когда голова повернута к соседу по парте. Возможно, это улыбка, возможно, это каменное лицо, впрочем, это неважно. Я совершенно не думаю о волосах, о голове, о лице, мои мысли ни о чём. Время течёт очень медленно. Когда мне удаётся забыть в каких-то размышлениях, время идёт быстрее. Вот осталось двадцать пять минут. Вот двадцать две минуты. Вот двадцать одна минута. По ощущениям, три минуты и одна минута одинаковы. Время замедляется всё больше и больше. Ещё около сорока пяти минут длился остаток этого занятия. Также и следующее. И следующее. И так далее. И далее. Около вечности. Время сидения в школе, наконец-то, закончилось и вместе с ним ушло ужасное чувство заточения, полного бездействия, но теперь передо мной другая проблема. Время летит слишком быстро. Я иду домой, он не очень далеко, может быть в десяти минутах неспешной ходьбы, но оказавшись дома я замечаю, к своему разочарованию, что потратил 30 минут на дорогу. Наверно, я старался оттянуть тот момент, когда мне придётся перешагнуть порог квартиры. Я пришёл и не могу ничего делать. Я так мечтал очутиться тут и, наконец, заняться своими делами, но теперь время утекает. Я лежу. Я смотрю куда-то, теперь даже не в стену или в потолок. Я наблюдаю гнетущее пространство, которое всё норовит поддеть меня напоминаниями о моём бездей-

ствии, о невозможности делать то, что я хотел сделать, находясь в школе, о времени, которое пробегает за пятнадцать минут часовой отрезок. Три часа дня. Четыре часа. Пять часов вечера. Я продолжаю всматриваться в свою безжизненную сущность. Я ищу глазами объект, который зацепит меня чем-нибудь, но каждый раз, якобы отыскивая его, я разочаровываюсь уже через секунду. Я заново начинаю поиски. И снова. И снова. Но всё-таки меня может привлечь что-то: какая-то музыка, фильм... ещё может быть что-то... Я проваливаюсь или утопаю в таком временном счастье. После этого наступает отчаяние, связанное с утратой интереса к тому, что я так любил какое-то время назад. Но сейчас время, я повторяю, летит очень быстро. Проходит вселяющий надежду вечер и наступает ночь. Я не могу уснуть, я не хочу засыпать, потому что не желаю наступления завтрашнего дня. Темнота лишает меня возможности отвлечься от угнетающей реальности, засмотревшись на какую-нибудь трещину в корпусе шкафа или на неровность белого потолка. Я томлюсь в отвращении. Я пытаюсь избежать тошнотливой действительности. В какой-то момент меня нет. Случайные звуки проезжающих машин помогают мне вспомнить себя, хотя это заявление очень сомнительно. Время бежит. Наступает глубокая ночь. Мне удаётся замедлить время. Теперь минута идёт ровно минуту, теперь я настроил свои внутренние часы в соответствии с настоящими. Всё становится спокойным. Ещё много времени до наступления завтрашнего дня, который за-

ставит меня терпеть издевательски неторопливую текучесть секунд. Ничего не происходит, но я пребываю в радостном состоянии, быть может, из-за неугасаемой надежды, что мне приснится замечательный сон, который будет продолжаться очень и очень долго. Возможно, я провалюсь в небытие и тут же проснусь под ненавистными солнечными лучами; это будет означать, что я не смог насладиться временем, отведённым мне для несуществования. Страдальческий настрой заберёт меня в свои объятия на весь оставшийся день, который ничем не будет отличаться от сегодняшнего или вчерашнего.

Театр

Часть первая

Сергей Сергеевич лёгонько, незаметно проскользнул сквозь двери театра и поспешил занять своё место, чтобы побыстрее избавиться от давящего чувства, которое изнемогающе приказывало не быть вечно мелькающим, очень неприятным и совершенно бестактным опоздальцем. Уселся. Стал ждать. Тут Сергей Сергеевич обнаружил несовпадение, некую неточность: здание театра, действительно наминавшее снаружи обычный театр, внутри выглядело совсем как цирк. Ну, ладно... Сергей Сергеевич, человек крайне добрый, снисходительно простил эту оплошность. В ожидании представления стал рассматривать людей. На нижних ярусах, на верхних, справа, слева, на противоположном ярусе – везде они были как-то одинаковы: уверенно шумели, иногда делясь своим предвкушением с соседом.

Уверенный шум и застенчивость резко пропали, а взамен им выкатился знакомый, нагнетающий, радостный гул толпы, когда на середине сцены медленно оказался господин в красно-синем цилиндре и очень талантливым голосом заставил массу безумно рукоплескать. Какое праздничное место! Первым артистом был жонглёр. Ловко! Но, не особенно

им заинтересовавшись, толпа поскорее прожевала и стала ждать, сильно внимать. Не за жонглёром собралась вся эта... Ах, как горели их глазки!

Тот же господин в красно-синем цилиндре (директор цирка, наверное) вышел во второй раз на цирковую арену и представил публике номер с животными. Люди были всё-таки обрадованы этим, ведь милость им нравилась... Директор поулыбался скромному шуму и повторил более звонким голосом, чтобы раззадорить толпу: «Встречайте! Грандиозный! Неповторимый! Талантливый номер! Валерий и еноты! Аплодисменты!»

Тем временем, Сергей Сергеевич всё никак не мог втянуться... Он пытался найти своё или... присвоить себе что-то... окунуться во всеобщую радость...

Масса, с наложенными на лица тенями, неуёмно всматривалась в яркую сцену и сжигала воплем пространство. Толпа выливалась из ярусов для жадного созерцания представления. Наконец-то! По-особенному, невероятно важно, вшагнул артист. Его космической самости не было предела. А как любя он подготавливал своих енотов для начала номера! Замечательно! Зверьки выполняли разные распоряжения хриплого голоса: трюки, фокусы с шариками, полоскания в воде, по-видимому, какой-то одежды, завязывание узелков, гимнастические упражнения... Сколько всего! Они даже умудрялись бегать по диаметру сцены на двух задних лапках, держа в передних чёрные шляпки, в которых они вышли

на сцену, и прося что-то. Милый номерок. Очень милый. Номер действительно получился милым. Животные своей милостью отлично выстроили милый номерок. Было видно, что номер был милым.

Конечно, этот милый номерок обрадовал тронутые сердца толпы, но всё-таки они, немного поумилявшись... Не за этим сюда...

Господин в красно-зелёном цилиндре выскочил из закулисья сразу же после окончания номера с енотами, чтобы снова развить чувство скорой, невероятно желаемой изюминки.

– Внимание! Скоро будет гвоздь программы! Никто не уйдёт отсюда без положенной доли радости! – орал он... Как же он звонко объявлял и могущественно задавал тон атмосфере. – А пока! Номер! Который заставит вас...

Сергей Сергеевич провалился... рассыпался... Что же? Тут... это... как это можно... ну... И... Почему это нереальней, чем самый странный, фантастический сон? Сергей Сергеевич на секундочку выпал через крышу театра, чтобы взглянуть на звёзды, Луну... Те же они? Они светят также или... совсем? По инерции он долетел до луны, вокруг которой проносился, может быть, медленно огибал... И полетел вниз, в небо, в здание театра, в место, занятое согласно купленному билету...

Ревели! Навзрыд! Некоторые гордо смотрели и, не показывая эмоций, восхищались его действиями. Сергей Серге-

евич упустил, кто вышел на арену, но успел догнать в созерцании других: это был большой, с густой коричневой шерстью, медведь-молотобоец. Без сил, без отдыха, без права отступить от работы, чтобы впервые за долгое время в его комичной голове разыгрались мысли, он запредельно пробивал смысловое вещество, поправляя иногда после ударов сползающий красно-красный цилиндр. Кивали в такт его непосильной ноше. Особо ранимые действительно плакали, как женщины, как дети.

Когда медведь-молотобоец рухнул с грохотом от перенапряжения, толпа замолчала. Клоун с красным носом и человек с вечно густыми бровями унесли его со сцены. Сергей Сергеевич внимательно, с огромнейшим интересом наблюдал за реакцией массы. Она засобиралась и недавний радостный вопль, а потом и плачь постепенно превратились в базарный гам.

– Антракт! – решительно подтвердил директор цирка. Подумавши, кое-что добавил, чтобы погрустневшие люди не разошлись случайно. – После него! Уроды! – и тогда-то спокойненько, уверенно стал удаляться в закулисы, демонстрируя Сергею Сергеевичу, единственному, может быть, оставшемуся, не обратившемуся в суматоху, свою переливающую спину.

Страх, потерянность, безысходность, давление, отчаяние, изнеможение, беспомощность, неизбежность, бесконечность.

Часть вторая

Человек в жёлтом цилиндре выпляснул из закулисья особенным движением. Масса вновь опрокинулась на ряды.

– Внимание! Внимание! – колоссально начал директор. – Сейчас! То, что вы ждали! Так хотели! Встречайте! Уроды!

Уроды вышли. Толпа взвопила. Оглушённый Сергей Сергеевич не мог понять, в чём заключается радость, но вскоре догадался, когда разглядел хорошее людей, представленных уродами: они были обычны, свежи, хороши, как обычные люди, только вот их естество... сущность... В общем, Сергей Сергеевич понял, что дело в этом. А люди, обитающие на ярусах, продолжали взвинчено ликовать, потеряв себя в исступлённом сознании. Сергей Сергеевич подавился.

– Ну! Всё! Достаточно! Хватит! – директор разумно прервал выступление, должно продолжаться побольше, ведь масса совершенно перестала контролировать своё поведение: отрывались кресла, корчились безумные рожи, падали от смеха тела и многое другое, что неприлично называть.

Уроды спешно сбежали в закулисье, а толпа бешено рассердилась, потому что её лишили заявленной доли радости. Люди, находящиеся в ярости, начали действовать агрессивно и уже были готовы разрушить здание театра. Сергей Сергеевич страшно испугался и поскорее спокойно ушёл.

Он так и не узнал, что произошло дальше: ушли ли просто

недовольные люди или здание пало. Противно было об этом думать.

В трёх сосёнках...

Мы с Толей решили отправиться на уток. Была осень. Пасмурно и туманно. Дожди украдкой проходили по нашей местности. Сырость ощущалась во всём, даже в мыслях.

Условились в воскресенье. Рано утром я позвонил Толе узнать, в силе ли наш уговор. Он ответил положительно. Я также спросил его про всё необходимое, что берут на охоту. Он сказал, что всё взял. Тогда я засобирался. Надел одежду, которую недавно прикупил как раз для таких вылазок, проверил ружьё и повесил на плечо за ремень. Также на всякий случай позаботился о минимальном наборе вещей, которые могут неотложно понадобиться, если Толя по какой-либо причине будет без них, но всё же рассчитывать приходилось на него. Собравшись, я всё несколько раз проверил, ведь не на прогулку идём, и только потом покинул дом.

Мы вошли в лес. Он показался мне странным: в нём присутствовала какая-то загадочность, но выглядел он, как самый обычный лес. Толя, являясь, несомненно, в нашем дуэте более опытным охотником, чем я, принялся первым искать самые удачные места для поимки уток и повёл меня за собой. Он как-то даже не рассматривал лес, точнее он, конечно, внимательно наблюдал вокруг, чтобы найти добычу, но совершенно не обращал свой взгляд на ту таинственность, которую я заметил сразу, когда мы вошли, по нему это было

видно.

Толя всё шёл вперёд, а я за ним. Дождь ласкал листья деревьев и наши сапоги. Мы долго шли, поэтому рюкзак со всем необходимым понёс я, чтобы дать отдохнуть левому плечу Толи.

Мы продолжали идти и я смотрел на его спину. Я немного отдалился от него, чтобы поймать кинематографичную картинку. И правда, получилось замечательно: спина моего друга, удерживающая ружьё, среди мелькающего леса.

Мы долго шли. Мы искали уток. Рюкзак со всем необходимым менял наши плечи.

В полдень неожиданно выглянуло осеннее, очень тусклое солнце, по местоположению которого я и определил время. К тому моменту нам уже несколько раз удалось услышать отдалённые звуки, которые, скорее всего, издавали утки. Мы шли на эти звуки, но безуспешно. Толя высказал предположение, что мы не туда свернули с самого начала, ведь не может же быть, что около пяти часов нам не удавалось завидеть хотя бы однажды уток, но мгновенно вспомнил и добавил, что мы слышали желанных птиц, поэтому нужно немного вернуться и отправиться с того места в другую сторону.

Наверно, мы исходили весь лес, по крайней мере сложилось такое впечатление, ведь наступал вечер. Сумерки приближались, а мы как будто бесцельно шатались между деревьев. Дела становились плохи: нам показалось, что мы заплутали и рюкзак со всем необходимым в какой-то момент

пропал, потерялся. Мы остались без еды, воды, медикаментов, дополнительных боеприпасов и прочего. Я упоминал, что взял кое-что на случай такой неприятной ситуации, оно тоже пропало, исчезло. Я не смог понять, как это произошло. Становилось холоднее. Никаких дополнительных утеплений у нас уже не было.

Мы забрели в сосновый бор. Толя замедлил свой шаг. Его ноги начали подкашиваться.

– Что-то плохо мне, – сказал сильно ослабевшим голосом друг.

Дело в том, что у его организма была особенность, которая заключалась в следующем: Толя зависел от питания и не мог продержаться в голодном состоянии больше пары часов; его организм невероятно быстро ослабевал и для того, чтобы вновь прийти в норму, ему нужна была еда.

– Что случилось? – обеспокоенно спросил я.

– Мне поесть надо, а то я скоро сознание потеряю, – проговорил тихим голосом Толя.

– Мы потеряли еду, Толя, рюкзак потеряли, – ответил я, нервничая. Он промолчал.

Толя закрыл глаза и начал тяжело, прерывисто, с явным трудом дышать. И так как мы прошли по сосновому бору приличное расстояние, то найти поблизости какие-либо ягоды, растения было сложно. К тому же, была поздняя осень. Я не знал, что делать и начал паниковать. Образованные дождем лужи привлекли моё внимание. Там были какие-то на-

секомые, они извивались в воде, перемешанной с землёй. Я, отчаявшийся настолько, что готов был на всё, предложил Толе съесть насекомых.

– Жуки-то съедобные! Они съедобные, давай. Тебе же совсем плохо! – сказал я, теряя самообладание.

– Слушай, а что если мы всё это время не туда шли? – задал вопрос Толя, проигнорировав меня.

– Ладно-ладно! – закричал я. – Я сейчас вернусь. Тут наверняка черника какая-то должна быть.

Я покинул моего друга и судорожно вглядывался в землю, идя сквозь сосны. Становилось совсем темно, а между тем до нашей местности наконец добралась зима, которая всегда приходит сюда в конце осени. Ударил мороз и дождь сменился снегом. Мне становилось страшно за друга, который в случае моих неудачных поисков не смог бы встать на ноги и замёрз бы. Я ходил меж сосен и нервно оглядывал стволы. Потом я начал бежать, чтобы управиться поскорее. Я совсем потерял себя.

– Толя, я сейчас! Я скоро! – кричал я в надежде, что он меня услышит.

Шло время. Снег покрывал тонкие ветки хвойных деревьев, примораживались лужи, мокрая почва усерднее хватала меня за сапоги. Я блуждал долго...

Ночь нависла над соснами. Холод насильно сдерживал мои движения и порыв о помощи. Я стал сильно замерзать, потерял концентрацию и начал сталкиваться со стволами де-

ревьев.

Совершенно случайно и крайне неожиданно я вышел к Толе.

– Толя! Ты жив? – произнёс я окоченевшим, дрожащим голосом.

– Я вот, что подумал: а что, если уток и нет? – сказал еле слышно совсем плохой Толя.

– Толя, я найду тебе поесть, – говорил я и непостижимо дрожал.

Тут мне удалось создать надежду для себя и для Толи, поэтому я даже воодушевился. Я посмотрел на Толю: он потерял сознание. Наверно, он много раз терял сознание, пока я блуждал в соснах. Я попытался привести его в чувства, потолкал, покричал – он лежал, совершенно беззащитный, замерзающий.

Холод заставил меня встать и я начал двигаться, чтобы попробовать не замёрзнуть, одновременно с этим процессом я безумно искал ягоды.

Темень ночи отбросила меня от друга в неизвестность, я не мог его обнаружить больше. Холод окончательно сковал мои члены. Моя осенняя одежда не спасала от мороза. Я рухнул неподвижно на заснеженную почву. Я почувствовал, что приближается конец. Мои губы посинели, уши покраснели. Меня накрывал снег. Мой взгляд остановился на луже, в которой почему-то копошились насекомые.

Судебный процесс над человеком, потревожившим троллейбус

Здание суда жутко изнемогало под свинцовым натянутым небом. Прокурор сидел за своим столом, перебирая какие-то бумаги, адвокат неспешно и вполне уверенно оглядывался по сторонам, постепенно продвигаясь к своему столу. Двое служителей закона вели меня к трибуне. Они на время сняли с моих кистей кандалы. Какой-то мрачный мужчина в строгом костюме чёрных оттенков озарил огромное помещение эхом, произнеся следующее: «Всем встать! Суд идёт!» После чего в зал вошёл судья – мужчина неопределённой внешности в черной мантии с белым воротом. Он сел на внушающий страх судейский стул и принялся листать страницы красной папки. Ещё немного тишины, во время которой я заметил, как серое небо глядит на меня сквозь окна здания суда. Немного задумавшись, я уже был не тут, но судья оборвал меня, зачитав грубым голосом номер дела, а дальше резким тоном обвинение, предъявляемое мне. Хочу сразу отметить, что практически всё время процесса говорил я. Участие прокурора и адвоката было столь минимально, будто рассмотрение дела происходило в ненастоящем суде, но уверяю вас, тут нет никакой выдумки. Судья уже во всю горланил свой текст и когда, наконец, закончил, начал задавать вопрос за

вопросом:

– Вы осознавали себя полноценной личностью во время совершения этого действия?

– Абсолютно точно, товарищ судья. Хотя я иногда замечаю свою отрешённость от реальности, свою неспособность полностью осознать действительность, но в тот момент я был, уверяю вас, полностью вменяемым и, что абсолютно логично, понимал свои действия.

Должен признаться, во время этой речи я пытался доказать свою вменяемость не судье, а себе в первую очередь. Судья внимательно выслушал меня и с очень заинтересованным видом продолжил:

– В какой именно момент вы твёрдо решили вытянуть руку? В тот момент, когда троллейбус был только замечен вами?

– Понимаете, я совершенно не планировал поднимать руку; троллейбус чаще всего останавливается на каждой остановке, а если и не останавливается, то только на очень небольших и пустых остановках, какой моя остановка, точнее та остановка, на которой я стоял, ни в коем случае не была. Но троллейбус подплывал всё ближе и ближе, я оглянулся, а может просто вспомнил, что в данный момент на остановке нахожусь только я, и чтобы не пропустить троллейбус бездарным образом, понимайте это так, как если бы я употребил словосочетание «нелепым образом», я протянул свою руку в сторону. Но не подумайте, что я её выкинул

грубо, быстро, будто приказывая троллейбусу остановиться; я очень плавно, с особой осторожностью, но при этом не крайне медленно, протянул руку, можно сказать пригласив троллейбус принять меня на свой борт.

– То есть вы вытянули руку только потому, что стояли на остановке один и сомневались в том, что троллейбус остановится? Вы думали в тот момент, что он, завидев лишь одного потенциального пассажира, сочтёт ненужным совершить остановку?

– Конечно, нет! Я попробую объяснить, что мной двигало в тот момент. Я обычно вытягиваю руку только в случае необходимости поймать маршрутку, которая, как всем нам известно, никогда не остановится просто так на любой (будь то пустой или заполненной людьми) остановке. И я никогда бы не посмел вытянуть руку перед троллейбусом, если бы не увидел, как это делала однажды какая-то то ли девушка, то ли женщина. Я взял с неё пример, попытался быть таким же смелым. Вытягивать руку принято исключительно перед маршруткой. Например, перед автобусом, который тормозит на каждой, хотя не всегда, остановке, не принято вытягивать руку. А троллейбус намного реже автобуса игнорирует остановки; естественно, перед ним тем более не стоит вытягивать свою руку. И в итоге с помощью рассуждений я прихожу к выводу о том, что моя рука скорее означала жест смелости, чем попытку остановить троллейбус. Более того, если бы я до этого не увидел девушку, протягивающую руку перед трол-

лейбусом, то не решился бы прервать движение этого транспорта и он мог бы проехать дальше. Ведь зачем ему тратить своё время на одного никчёмного человека, который, к тому же, совершенно спокойно может грубым образом отвергнуть предложение вступить на борт.

Судья задумчиво смотрел в мои глаза. Тишина в этот момент царила в помещении. Адвокат и прокурор с разными, но одинаково необъяснимыми эмоциями наблюдали за процессом. Судья задал последний вопрос, немного прищутив глаза:

– Вы считаете себя виновным?

– В конечном счёте, хоть я и вытянул руку перед троллейбусом, я не считаю себя виновным. Я взошёл на борт и сел на сидение; в этот момент из троллейбуса вышли два человека.

Я был оправдан.

Мой дом

Сергей Сергеевич проходил мимо дома. Приветливый молодой парень махал из окна ручкой, улыбаясь и явно проявляя дружелюбные намерения.

Бывало, он завидит в начале улицы прохожего и немедленно широко раскрывает руки, зазывая незнакомца взглянуть на его доброжелательность. И это не было фанатично. Сидит ещё у окна с книжкой, припавши губами к осеннему кипяточку, улыбнётся так по-простому, не особенно вдавливаясь в проходящую мимо и по своим делам персону, а легонько, по касательной, добренько, добровато, не пытаясь причинить неудобств, опалит своей самостью.

И Сергей Сергеевич, завидя себя в этом паренёчке, аккуратно ступил в его сторону. Второй (такой, который бесстрашно ломится в направлении воли, который присутствует в каждом из нас, который может разгуляться лишь внутри) Сергей Сергеевич смело изобразил по-доброму выстроенную ухмылку, направился напрямиком к дому паренёчка. Тут что-то сбилось, сломалось. Неприятный момент. Неведомо как поменявшиеся местами Сергей Сергеевичи образовали странность: теперь уже не настоящий Сергей Сергеевич шёл, помахивая ручкой на ручку паренёчка. Благо, опомнился и уже... но механически продолжил идти. Улыбка не сползала. Не совладать. Потерял контроль. Паренёк же мигом уни-

чтожил свою улыбочку, после чего крикнул:

– Эй! Ты куда?

Сергей Сергеевич не мог броситься от себя (в то же время находился очень далеко), всё также приближаясь к дому паренька. Ох, уж эта зацементированная улыбка...

– Стоять! – напрягаясь, паникуя, крикнул паренёк.

Ручка Сергея Сергеевича работала маятником по-прежнему.

– Стой! Стой, сука! – разозлившись, во всё горло кричал паренёк. Его злость мешалась с невероятным страхом и он не унимался. – Куда ты!

Сергей Сергеевич шёл... Шёл и шёл... омертвевший... А его... кричал... орал, как... очень безумно, оглу... пространство.

К сожалению, отключился. Но позже Сергей Сергеевич вспомнил, что происходило дальше, а именно: ему удалось избежать полного забетонирования и он поспешно скрылся подальше от паренька, испугавшегося до беспамятства.

Утопленница

В Пестово ходила легенда о том, что очень давно в деревне Ч. нежной зимней ночью один старый дом, укутанный в магический снег, потерял рассудок. И все, кто был в нём, скоропостижно скончались, скончались необычным... Единственной выжившей осталась юная девочка. Она бродила вдоль и поперёк деревни, напевала песенки, изображала престранные танцевальные элементы, и никто не решался с ней заговорить. Но вот была какая странность, совершенно не поддающаяся разуму: проходя мимо скромных домиков, девочка зажигала в них какое-то непостижимое сияние, ощущение праздника. Люди растворяли ставни, выглядывали из окон и невольно радовались пению, танцам, всему её юному существу, не отрывая глаз, даже впадая в блаженство: мысли их оставляли, веки обмокали, мышцы лица и членов ласково отдыхали от беспросветного напряжения... А в чёрно-синем небе разгорались звёзды, и в светлое время тоже, и даже сквозь деревянную крышу для тех, кто любил укутаться в стены и поскорее уснуть.

Но продолжалось это только несколько дней. Девочка, по одной из версий легенды, написала записочку, в которой было сказано: «Они хотели меня испечь на моё шестнадцатилетие, как и других девочек. Я не далась. Сегодня мой день рождения и я отправлюсь в другой мир, чтобы спасти дру-

гих девочек». После этого она подожгла дом, который горел мощно, безнадежно, как в фильме «Зеркало», но синим магическим пламенем, а с неба глядели огромные, прелекие, нарисованные звёзды, непохожие на звёзды, как на картине Ван Гога. Девочка запредельно смотрела на это, а потом, когда чёрные кости дома дотлели, развернулась и неизменно пошла в направлении речки. И она...

– Утонула?

– А как же! – подтвердила Даша.

– Страшная легенда. Этого ведь взаправду не было? – тревожно спросил мальчик семи лет, широко раскрыв глаза.

– Кто знает, Коленька, кто знает...

– А та девочка была волшебная, да? – с восхищённым удивлением поинтересовался Коля.

– Наверно, неспроста ж она зажигала звёзды днём... и всё остальное.

– А что теперь?

– А теперь, когда звёздное небо горит всеми огоньками, она забирает по одному домику.

– Как это? – всё больше изумлялся брат.

Даша разыгралась:

– Ну, это девочка делает так, что происходит несчастный случай, или преступление какое, или ещё что-нибудь очень нехорошее... В общем, жители этого дома... того... ну ты понял... А выбирает она домик случайным образом, но только в деревнях, находящихя поблизости к Ч. Кстати, подой-

ти взгляни, – сказала Даша и они прильнули к синему окошку. Мрак остался наблюдать позади них. – Видишь? Сегодня как раз такая ночь.

Коля обомлел.

– А по очереди, Коленька, теперь наша деревня.

Их оборвала вошедшая мать, женщина сорока лет, и тихим но строгим голосом сказала:

– Уже поздно. Даша, почему вы не спите?

– Мама, я думала, ты позже придёшь.

– Зачем ты пугаешь Коленьку выдумками? Тебе пятнадцать лет, а ты как ребёнок...

– Да он же сам хотел! – вскрикнула девочка.

– Так, хватит! Быстро спать! Коленька, дорогой мой, давай в комнату. А ты тоже ложись. Ишь ты! Глубокая ночь, а ты на жуткие вещи настроена.

– Хорошо, Мам, я...

– И не вздумай послушаться, – снова перебила мать. – Если отец придёт и увидит, что... Короче, сама знаешь, что случится. Спи.

– Хорошо, – податливо ответила Даша.

Мать вышла.

– А куда он уходил-то? – спросила Даша сквозь закрытую дверь, но осталась без ответа.

Комнату окутала тёмная тишина Даша свалилась на мягкую постель, подтягивалась и улыбалась образовавшейся свободе. Ценное одиночество! Приняла удобный и откры-

венный изгиб, накрылась пушистым, мягким, таким любимым одеяльцем, после этого достала телефончик, чтобы и себя поразвлечь мрачностью: включила недавно вышедший альбом «Солнце мертвых». Её глазки налились невидимой краской. Она летала в образах и цеплялась за кусочки, что могли бы принадлежать ей. И вздрогнула, когда вновь вошла мать.

– Даша! – теперь уже громко крикнула женщина. – Где Коля? Коленька!

– Я... не знаю, – едва различимо ответила испугавшаяся дочь. – Он же спит.

– Он пропал! Собирайся. Быть может...

Женщина не договорила и, вся трясущаяся, выбежала из дома, попутно надев пальто. Даша невольно задрожала, накинула что-то и следом за матерью.

Воздух был холодный: осень царила на бескрайних просторах. Ветра совсем не было и вверху стояла потрясающая сознание картина: отчётливое сияние голубых звёзд. Даша спешно пробежала всё это и вдогонку – за матерью. К счастью, Коля был у речки: он смотрел на чёрную воду с небольшими волнами, иногда оглядываясь на пугающее, но такое блаженное небо.

– Коля! – взревела мать и упала перед сыном на колени. – Что же ты! Родненький! Коленька, зачем же... – она хотела договорить, но не могла. – Я ведь...

Даша опустошённо наблюдала, не понимая реальности,

думая, что это как-то ненатурально или... Речка не была речкой, деревья перестали быть самим собой, а пространство не просто исказилось, оно...

– Мама, сегодня звёздная ночь. Это значит, что девочка заберёт себе дом, – говорил вдохновенно Коля.

– Коленька! – не унималась мать, расцеловывая его ручки.

– А вдруг она в этой речке утопилась?

Даша всё наблюдала, точнее присутствовала в другом...

– Так! Всё! – решительно сказала мать, вытирая рукавами мокрые глаза.

Даша мёртвым взглядом заметила бегущую к ним женщину.

– Коля, сейчас мы домой, да, сынок? Я тебе конфеток и чаю дам... – очень добро, с улыбочкой молвила мать, успокоившись.

Что-то ещё сказала, утешилась своими словами и обернулась на тревожный зов:

– Наталья Васильевна... Наталья Васильевна, – звонко голосила какая-то фигура. Все трое смотрели неизвестным страхом на неё. – Наталья Васильевна, – подбежав, снова повторила запыхавшаяся женщина. – Беда, Наталья Васильевна! Нужна ваша помощь.

– Что случилось, Марфа Егоровна? – спросила побледневшая мать.

– Быстрее... по дороге объясню.

– Даша, – изменившимся голосом сказала мать, обраща-

ьясь к дочери, – бери Колю и домой.

– А муж ваш? Он дома? – продолжала женщина.

– Он уехал...

Они убежали. А Даша взяла Колю за руку и пошла по своему перевернутому миру, даже не перевернутому, а... А Коля проливал глазами на звёздный свет грёзы, молчаливо всматриваясь в таинственную сущность ночи. Даше виделись совы, сидящие на примятой траве, рыси, сквозящие в кустарниках, другие непонятности, созданные воображением. Дети дошли, крепко спрятались за затворённой дверью. Их поджидал дружелюбный мрак.

– Даша, может свет зажжём?

– Нет.

– Почему?

Марфа Егоровна и Наталья Васильевна неслись изо всех сил, спотыкались о кочки, ножки проваливались в ямку. Тьма стояла над ними. Вдали увиделись люди, которые являли собой обрубленные... Женщины, когда подбежали к месту происшествия, ужаснулись и неосознанно пооткрывали рты, чтобы попробовать вобрать воздух.

– Ну! Давайте! – бойко крикнула какая-то баба, пришедшая с другой стороны. – Все вместе. Поднимаем!

Около десятка женщин и несколько мужчин двинулись душой к преодолению смерти. Дерево, завалившееся на маленького мальчишку (гораздо меньше Коленьки), сопротивлялось им, не давалось. Оно отказывалось лишиться себя жерт-

вы, не уступало счастью других.

Кто-то сказал: «Я ща! За топором! Ждите!» И подбегали новые люди. А грудь мальчика изнемогала под насильственной тяжестью.

– Ванечка! Ваня, ну что ж ты! – изливая глаза, кричала одна женщина. – Зачем же ты там! Выбирайся... Как тебе не стыдно! Так мать мучить! – она произносила всё это, не помня себя, как-то механически, воспроизводя вложенные в неё бесполезности.

– Прекрати! Что ты орёшь на него! – грозно ответил ей какой-то мужик.

Людей становилось больше, а Ваня пропадал под деревом.

– И-и... взяли! – хором сработал народ, отцепив на мгновение злые ветви от мальчика.

– Ещё! И-и... Давайте же... Взяли! – громче прокричали люди.

Дерево покорилося. Но не надолго. Толпа держала его, а Марфа Егоровна и Наталья Васильевна извлекали Ваню: первая готовилась схватить мальчика за руку, а вторая сердобольно ползла под дерево. Опрокинувшись в углубление, где находился пострадавший, она вытолкнула Ваню прямо к Марфе Егоровне, и хотела уже выбираться. Ствол обломился, или руки обломились от непосильной тяжести, или ещё что... Громыкнуло дерево в ту же впадину, да так зловеще, яростно, с безумной усладой, как и подумать никто не мог. Все, включая истощённого Ваню, безрассудно побежали, го-

нимые животным ужасом, искажающей паникой, отстав от себя.

– Ты, Коленька, спи. Мама скоро вернётся, – успокаивала Даша.

– А куда она пошла? – широко раскрыв наивные глазки, спросил Коля.

– Не знаю.

– А папа где?

– Я не знаю, – с охватывающей безнадёгой произнесла сестра. – Ты только спи пожалуйста, хорошо? А я к себе в комнату.

– Ладно, – покорно ответил мальчик и подтянул белоснежное одеяло до носа; глаза остались такими же широко открытыми и тревожно вопрошающими.

Даша вошла к себе, прыгнула в объятия постели, провалилась в ней, отбросившись подальше от себя. Продолжила слушать альбом и вглядываться в сияющие звёзды. Она устала от ежедневных обязательств перед родителями и от возни с младшим братом, ведь в пятнадцать уже хочется открывать взрослый мир, поэтому с удовольствием убегала от действительности в свободную минутку. Там было тепло, прохладно, солнышко светило мягким фонариком, душа распадалась по вселенной, мир перекраивался в ласковое отсутствие всего. Можно было и побежать по полю, и полетать сквозь облака, и поделаться невероятное. Выдернуть Дашу оттуда не представлялось возможным без насильственного вмешательства.

Пришёл отец. Его отторгающее тело, пропитанное похотью пьяного, запредельно волокло ноги и являло собой что-то не то, что-то изменившееся. Ужасные волосы обратились в неведомую муть, пальцы застыли в неестественной позе, приоткрытый, с ухмылкой, рот представился невыдуманым адом, одежда приклеилась и никогда не отстала бы уже, а глаза... Глаза! Что с ними? Почему они несуществующие? Глаза! Он вошёл в комнату сына.

– Папа? – добродушно детским голоском произнёс Коля. Отец молчал.

– Папа, а где ты был? А где мама? – спросил мальчик своим маленьким существом, упорно чувствуя близость, питая беспросветную любовь.

Но отец непоколебимо молчал. Приблизился к Коленке, сел возле его ног на кроватку, погладил по нежным волосикам.

– Папа, а зачем тебе эта кукла и жёлтые мячики?

Отец, проигнорировав, выдал небольшую наигранную улыбочку, когда поднял рукой голову Коли, а другой взял его подушку. Положил голову. Поднял подушку выше. Коля молчал, смотря на папу. Отец поднёс подушку к лицу сына. Тот молчал. Подносил ближе. Молчал. Ещё. Молчал. Вплотную. Неизменно молчал, лишь дыхание его участилось. Отец накрыл белоснежной подушкой голову Коли и сильно прижал: налёг всем своим безумным телом и страшно давил вниз руками.

Даша слушала музыку и не слышала, когда вошёл отец. Играла песня «Шатуны». За окном появилась тень, потом фигура. Незнакомец заглянул поглубже и решил действовать. Даша обернулась, опрокинулась: там был человек с топором. Он упрямо смотрел ей в глаза. Она не могла отвести взгляда от него и наощупь выпустилась из комнаты, дрожа от ужаса.

– Коля, – прошептала девочка.

Тут она заметила изменившегося отца, который прикладывал усилия к подушке, и отшатнулась назад – обратно в комнату. В окне никого уже не было. Даша заперла дверь и страшно оглядывалась, не в силах остановиться. Отец уверенно направился к двери и стал стучать. Бить. Ломиться. Дверь трещала, плакала, распадалась. Вот-вот... Почти уже... Даша невозможно откинулась к окну. Дверь пропала. Отец очень хотел схватить дочь, но тут его плоть съела холодный металл. Хоть план и обрушился, но как вкусно. Как вкусно-то! Тот незнакомец показался в дверном проёме. Он являл собой страх, чистый, понятный, животный страх. Даша скоро открывала окно; оно не поддавалось. Незнакомец подходил ближе. Наконец-то получилось: она выпрыгнула в холод. Беги, Даша! На ней была несвойственная такой погоде одежда (можно и заболеть!), позади неё – человек с топором, вверху – земля, внизу – небо. И побежала Даша по небу, по новому перевёрнутому пространству. Исказилась также фигура человека с топором: теперь вместо топора в руках

он как будто нёс какую-то бумажечку, записочку. Ступни девочки касались голубых звёзд. По углам сияния сновали паучки (извечные друзья смертников). Холодный воздух таял под напряжением. Вот и речка. Беги, Даша! Птички засверкали. Небо залетало. Волоса устремились ввысь. Луна коптила чернозём. А вот туда направилась тогда мама с Марфой Егоровной. Заскрипел малиновый куст. Шушукались дивные обмороки вселенной. Беги, Даша! Даша остановилась. Действительность поредела. Там ивушка оплакивала своего погибшего в неравной схватке собрата, который накрыл чью-то кровь. Тем временем, никто за девочкой уже не гнался, и до этого не гнался. Даша отвлеклась от виктимности и увидела тусклое лицо матери. Мир закружился сильнее. Ужас. Обрато. Беги, Даша! Колесо набирало обороты. Малиновый куст... Птички... Речка... О, боже! Он всё-таки шёл за... А в его руках топор! Увидев девочку, остановился вверх ногами, постоял на земле, двинулся к Даше. Она не видела пути и почему-то направилась к речке. Засверкали искры. Неполладки какие-то. Мир распадался. Она изо всех сил бежала к речке, чтобы скрыться под водой. Разверзлось пространство. Девочка споткнулась. Ноги провалились сквозь жидкость. Даша стала успешно захлёбываться. Человек с топором потихоньку подходил всё ближе и ближе. Даша была воду изнутри, неприятно проползая по венам вселенной. Речка её уладила. Голубые зв...

Голубое небо

Сергей Сергеевич собрал ..., пошёл на остановку, залез в транспорт. Пустой взгляд осматривал пролетающую реальность. Вот уже несколько минут прошло, а Сергей Сергеевич всё продолжал искать забвение в ускользающих объектах. Мысли его догоняли. Чтобы избежать столкновения с ними, Сергей Сергеевич принял решение включить музыку. К сожалению, один из наушников был сломан, пришлось мириться с неприятным ощущением, ведь иначе мысли догнали бы. Он забылся и проехал так ещё полчаса. Вот уже рядом. Кладбище, где покоятся современники ..., огорожено чёрным забором. Сергей Сергеевич сошёл с транспорта и принялся обходить территорию кладбища по периметру. Он тут впервые. Сергей Сергеевич пытался найти ворота, вход, чтобы попасть внутрь, но всё ещё не мог сделать этого. Голубое небо без солнца манило Его. Он отчаялся, ведь обнаружил закрытые ворота. Взломать замок не представлялось возможным. Сергей Сергеевич продолжил идти по периметру. Он увидел раздвинутые прутья: теперь можно было пролезть. Деревья отнимали у могил свет. Памятники и монументы, кладбищенские камни и кресты покоились в вечной тени. Сергей Сергеевич немного прошёл и очутился на дорожке. Он двинулся по ней. Тишина прерывалась лишь пением птиц и дальним гулом автострады. Сергей Сергеевич

заострил внимание на одной привлекательной белой могиле. Ему послышался погребальный звон. Он оглянулся вокруг и не увидел никого. Деревья стали покачиваться от небольшого ветра, что немного озадачило Сергея Сергеевича. Его охватила тревога. Он пытался найти глазами источник спокойствия, но зрачки, отторгаемые всеми, продолжали беспомощно бегать. Сергей Сергеевич забылся и, наконец-то, восстановил дыхание. Голубизна неба нашла дыру в кронах близко стоящих друг к другу деревьев и проникла внутрь. Она манила Сергея Сергеевича. Он заметил зачаровывающую брешь в листве и пошёл. Он захотел найти лучший ракурс. И, вдруг! Сергей Сергеевич забрался на поваленную старинную плиту; он обнаружил идеальный вид, открывающийся на небеса. Эта живая картина заорожила его. Сергей Сергеевич ощутил беспокойство, связанное с возможным подглядыванием за ним случайных посетителей кладбища. Ему очень не хотелось поймать на себе взгляд человека. Сергей Сергеевич хотел любоваться небом, но тревожно озирался по сторонам. С каждой секундой он становился всё более и более раздражительным. Сергей Сергеевич настойчиво решил исправить эту ситуацию. Он оттащил могильный камень, на котором стоял, любясь небом, и стал копать. Сергей Сергеевич немного углубился, поднял глаза и посмотрел в сторону дорожки. Он никого не увидел и продолжил рыть яму. Потом Сергей Сергеевич лёг, снова встал, подтащил к яме камень и упал в яму с камнем в обнимку. Теперь он ле-

жал, поглаживая камень, и видел только путь к голубизне неба, окаймлённый листвой. Счастье сначала нежно ласкало его, но уже через несколько секунд Сергей Сергеевич купался в счастье. Мысли только сейчас смогли догнать его, но счастье мигом затопило их. Счастье отрывало голову Сергею Сергеевичу, а тот летел к небу. Вот он уже прошёл кроны деревьев. Редкие порывы ветра заглушали всё вокруг. Счастье обезумело. Сергей Сергеевич летел всё быстрее и выше. Он одновременно плакал и смеялся от непостижимого чувства.